

Черная -

КЛЮЧЕВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ РОССИЙСКИХ НЕМЦЕВ

Материалы X-й международной
научной конференции
Международной ассоциации
исследователей истории
и культуры российских немцев

МОСКВА, 18-21 ноября 2003 г.

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ В СРЕДЕ НЕМЕЦКИХ КОЛОНИСТОВ ПЕТЕРБУРГСКОЙ ГУБЕРНИИ (ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ)

(XIX – XX вв.)

Т. А. Шрадер

Обретение новой родины различными народами обусловлено множеством причин: политическими, экономическими, социальными, изменившиеся условия жизни влияют на традиционную культуру, но ни в коем случае не разрушают ее. Налаживание нового хозяйства, строительство нового дома, воссоздание привычного быта в незнакомых условиях, среди другого народа, с одной стороны, требует отказа от ряда черт традиционной культуры, с другой – укрепляет ее и способствует новому осмыслению традиций.

О немецких колонистах в Петербургской губернии в настоящее время имеется значительное число публикаций об их истории, географии их расселения, демографии, экономическом состоянии, образу жизни, но этнографический аспект этой группы населения по отдельным колониям изучен довольно слабо. К сожалению, сейчас осталось чрезвычайно мало носителей традиционной культуры немецких крестьян этого региона, которые могли бы донести до нас сведения о повседневной жизни. За последние годы вышло ряд работ о жизни и традициях колонистов под Петербургом. Прежде всего необходимо указать на монографию Л. Найдич «Deutsche Bauern bei St. Petersburg-Leningrad. Dialekte-Brauchstum-Folklore». Эта монография является плодом многолетнего труда автора, которая на базе большого количества научных работ русских, советских и зарубежных исследователей, а также используя данные 19 информантов – потомков немецких колонистов, представила широкую картину жизни немецких колонистов под Петербургом. В книге практически затронуты все аспекты жизни немецких крестьян. Большим достоинством работы является то, что автор провела глубокий анализ фонетических, лексикологических и других особенностей немецкого языка колонистов на фоне довольно подробного описания их традиционной культуры. В книге представлена краткая информация об информантах и фотографии из их семейных архивов. Статьи: а) С. Бокариус «Die traditionelle Kultur der Deutschen des Gouvernementes Petersburg».

Historische und ethnographische Aspekte»², в которой в основном использованы материалы фонда Министерства государственных имуществ, хранящиеся в Российском государственном историческом архиве и 6) Л. Э. Найдич «Быт и образ жизни немецких колонистов под Петербургом»³, написанная на основе опубликованных зарубежных работ и сведений информантов, имена которых указаны в статье, в определенной степени раскрывают этнокультурные традиции колонистов под Петербургом в целом. Отрадно отметить, что к вопросам традиционной культуры немецких колонистов проявляют интерес и молодые исследователи. При Санкт-Петербургском Дворце творчества юных проходят историко-краеведческие чтения, и одна из участниц, Ольга Тупахина, провела исследования по немецкой колонии на 11 версте Петергофской дороги, колонии Красненская, встречалась с представителями семей Шефер и Берч. В 2002 г. статья О. Тупахинной опубликована в книге «Наследники Великого города» (вып. 11)⁴. В 2002 г. на Четвертой конференции «Немцы в Санкт-Петербурге. Биографический аспект» сотрудница БАН Н. М. Сысоева сделала доклад «Немецкая колония Овчино – прошлое и настоящее». И уже в 2004 г. на городской историко-краеведческой конференции учащихся «Многонациональный Петербург» с докладом «Немцы в Колпино (немецкие ижорские колонии)» выступила В. Филимонова. Безусловно, работы в этом направлении будут проводиться и в дальнейшем. В феврале 2003 г. была защищена диссертация Е. В. Бахмутской «Немецкие колонии Санкт-Петербургской губернии. 1760-е – 1870-е гг.».

В книге «Историческое обозрение пятидесятилетия деятельности Министерства государственных имуществ (1837–1887)» было указано следующее: «Все узаконения, определяющие права колонистов, их льготы и внутренне устройство колонистской администрации, состоялись в прошедшем и первых годах нынешнего столетия. Узаконения эти настолько соответствовали в первое время условиям жизни колонистов, что колонии быстро развивались, умножались числом и богатели, но впоследствии, когда жизнь колоний стала и шире, и многосложнее, узаконения о колонистах, вошедши в свод законов, перестали соответствовать требованиям времени, так как они изолировали колонистов и мешали им слиться с общим населением империи»⁵. В 1850 г. была создана особая комиссия при Министерстве государственных имуществ, в задачу которой входило разработать новые законопроект по российским колонистам, но работа в ней была приостановлена. В 1871 г. были опубликованы правила об устройстве поселян собственников, водворенных на казенных землях в губерниях. Об

этом документе имеется довольно подробная опубликованная информация. Эти правила в определенной степени изменили социально-правовое положение немецких колонистов, но традиционный порядок их повседневной жизни не был нарушен.

В первой половине XIX в. у немецких крестьян, поселившихся около столицы России, сложился определенный уклад жизни, который регламентировался «Инструкцией для внутреннего распорядка и управления в Санкт-Петербургских колониях». Административный порядок их жизни мало отличался от принятого в других немецких колониях России: в каждой колонии имелся приказ, в котором хранились документы, находившиеся под контролем выборного на 3 года старосты; в помощь старосте избирались выборные на 2 года. Руководство колонии следило за порядком, состоянием мостов, дорог и пр. В обязанности крестьян входило содержать старосту, выборных и пастора. За всеми этапами земледельческого цикла следил староста. Уже в начале XIX в. немецкие крестьяне использовали трехпольную систему земледелия и переходили на шести-семипольную. В земледелию детей приучали с ранних лет, привлекая их к прополкам и очищению полей от камней. Ежегодно во всех селениях заполняли «запасные магазины» — складские помещения для хранения сельхозпродуктов, собранных с каждого двора⁶. Основными сельскохозяйственными культурами немецких крестьян в Петербургской губернии были рожь, овес и картофель. В колониях интенсивно развивалось молочное скотоводство, молоко поступало на рынок Петербурга. Широко было развито огородничество и садоводство. Селения крестьян располагались на небольших расстояниях от мегаполиса, и это позволяло им, помимо торговли там плодами своего труда, собирать в городе и окрестных населенных пунктах нечистоты для удобрения своих полей. К примеру, эта деятельность колонистов Новосаратовской колонии вызывала недовольство у жителей из Рыбной слободы, располагавшейся на противоположном берегу Невы. Дело в том, что немецкие колонисты привозили собранные фекалии по реке на плотках, разгружали его, поднимали вверх в колонию по высокому берегу, при этом засоряли у этого берега тони русских рыбаков, где гнила рыба. На протяжении нескольких лет, в 1850-е годы, тянулась тяжба между жителями этих селений, причиной судебного разбирательства была гибель в тонах рыбы и дурной запах. Дело кончилось тем, что немецкие колонисты должны были поменять место доставки нечистот⁷.

Но деятельность немецких крестьян не ограничивалась только земледельством. Около поселений они строили различные заводы, продукция ко-

торых позволяла им быть независимыми от окружающих условий. Так, например, к середине XIX в. около Петергофской колонии был построен кирпичный завод, около Новосаратовской и Франкфуртской — лесопильный завод, около Среднерогатской колонии — конной завод, в ведении общины Среднерогатской колонии, в местечке под названием Новенький, находились два дома, в которых располагался постоялый двор⁸.

В XIX и в XX вв. колонисты составляли незначительный процент от общего числа крестьянского населения Петербургской губернии. Представленные данные получены из различных источников, а ряде случаев подсчетом жителей в различных колониях в определенные годы. Число колоний росло за счет покупки земельных участков жителями старых колоний. В процессе работы по этой теме составлена карта-схема размещения немецких колоний в Петербургской губернии. За основу была взята карта Петербургской губернии до 1917 г., на нее наложена карта Ленинградской области, и поскольку известно в каких населенных пунктах были колонии, была составлена эта схема. И хотя, может быть, на карте отображены не все немецкие колонии, она все же дает представление о нахождении поселений немецких колонистов в рассматриваемой нами губернии.

В немецких колониях под Петербургом сохранялся характерный для колоний план построения — они представляли собой одну длинную улицу, иногда встречались параллельные или перпендикулярные. В центре, как правило, находилась кирка. Строились колонии в удобных местах — на берегу реки (Новосаратовская и Ижорская) или на важном дорожном тракте (Среднерогатская). Ширина улиц бала различной, частично мощеной, по обеим сторонам были канавы, через которые были уложены мостки. Каждая семья следила за состоянием мостков около дома. На представленных планах начала XIX в. видны основные направления планирования колоний⁹.

В начале создания колониетских поселений дома строились по утвержденным проектам. Но типовые проекты постепенно меняли облик, стиль, архитектура, приближаясь к дачному — с верандой, мезонином. Такие дома представлены на фотографии домов немецких крестьян в Новосаратовской колонии, сделанные в 1960-е годы¹⁰. Во дворе колониста был сарай, хлев, другие хозяйственные постройки, а также летний дом для дачников из Петербурга. Из воспоминаний потомка колонистов с 11(12) версты Петергофской дороги Николая Фёдоровича Берча узнаем: «У государства было условие, чтобы все дома были двухэтажными (вторым этажом был мезонин), перед ними сад, обнесенный забором; в саду должен быть газовый фонарь; чтобы были мосты (через отделяющую участок от шоссе канаву), а

около мостов скамейки». Дома, по словам информатора, были розового цвета, а крыши с красной черепицей, двор вымощен булыжником. Хозяйка участка должны были следить за примыкавшей к их дому дорогой»¹⁵.

По данным Л. Э. Найдич, с начала XX в. до 1942 г. интерьер дома немецкого крестьянина под Петербургом скорее напоминал квартиру городских жителей среднего достатка: мебель из красного дерева, бархатные диваны, зеркальные шкафы, буфеты. Украшены дома были различными безделушками из городских магазинов и самодельными скатертями, салфетками и др. Обязательно на подоконниках горшки с цветами¹⁶. Кухня была местом, где семья собиралась за столом, причем плита, на которой готовили пищу называлась заимствованным из русского языка словом «Pilt». Но в доме могла присутствовать и русская печь для хозяйственных нужд. Названия в некоторых колониях кухонных предметов отличались друг от друга. Например, по тому как крестьяне называли деревянный сосуд для воды, определяли из какой он колонии¹⁷. Нет надобности говорить о характерной для немецких колонистов чистоте содержания дома. По данным О. Тулахиной, немецкие колонисты, где жили семьи Шефер и Берч, оказывали значительное влияние на местных жителей. Немцы не учили русских целенаправленно. Само соседство оказывало благотворное влияние. До середины XX в. хозяйство немцев было примером для русских. Старожил района, Ирина Антонова Якимович, вспоминала, как она в 1930-е годы покупала молоко у Софьи Ивановны Шефер и о том какая чистота была в домах немцев¹⁸. Фотография, сохранившаяся в семейном архиве Шефер, представляет Софью Ивановну с детьми (1930-е гг.). Не меньший интерес представляют фотография Христины Петровны Шефер (1889–1979 гг.), снятой в национальном костюме, который носили немецкие колонистки, а также Петра Михайловича (185?–1928 гг.) с женой Екатериной Петровной Шефер (Берч) (1862–1941 гг.). Представленные фотографии подтверждают вывод Л. Найдич о том, что в каждойдневной жизни одежда немецких колонистов под Петербургом мало отличалась от городской, а в торжественных случаях немцы одевались в национальные костюмы с вышивками на передничках. Традиционные и характерные для немецких крестьян под Петербургом особенности – немецкая кухня, подготовка и проведение семейных праздников – дни рождения детей, Рождество и др., в целом мало отличались от общепринятого уклада жизни немцев России.

Как правило, семьи колонистов были многодетными. Архивные материалы дают интересные факты внутрисемейных отношений колонистов. Так, в 1893 г. при переезде двух семей Эйкстеров из Новосаратовской в Колпин-

скую общину один из Эйкстеров, уезжая со второй женой и детьми, оставил в проданном доме свою бывшую жену. По договору новый владелец усадьбы должен был содержать эту женщину до ее смерти, предоставлять ей помещение в доме, оплачивать пропитание и отопление ежемесячно в размере 6 рублей серебром¹⁹. Не меньший интерес представляет собой завещание Адама Штро от 1874 г., в котором покойный распорядился, чтобы его жена проживала в доме одного из ее сыновей, остальные должны были платить ей по 20 рублей в год, а больной старший сын этой семьи получал от родственников одежду, мог проживать у одного из братьев (а их было трое) и ежемесячно получать от каждого по одному рублю. Две девицы этого семейства получили богатое приданое, а несколько замужних дочерей он не включил в завещание²⁰.

Колонисты в XIX веке уделяли внимание школьному образованию своих детей. Преподавание в сельских школах и училищах велось исключительно на немецком языке. Школы были практически во всех крупных населенных пунктах. В середине XIX в. в колонии Стрельнинская учились от 60 до 60 детей. Сельские училища находились в Среднерогатской, Стрельнинской и Ижорской колониях²¹. Близость столицы России, где проживало значительное число образованных немцев, не вызывали труда найти учителя для школы. Училища и сельские школы до 1881 г. были в ведении Министерства государственных имуществ, после 1881 г. они перешли к Министерству народного образования. В 1913 г. этим министерством были изданы «Правила о начальных училищах для инородцев», а это касалось и немецких поселенцев. По этим правилам преподавание русского языка уделялось большое внимание, преподаватель русского языка должен был быть русским подданным и владеть родным языком учащихся. Таким образом, русский язык с этого времени активно внедрялся в среду немецких колонистов. Но в 1914 г. началась Первая мировая война, которая внесла коррективы в жизнь немцев в России. В 1920-е годы новое правительство не препятствовало развитию школ нацменьшинств. Немцы-активисты из Петрограда-Ленинграда уделяли внимание обучению сельских школьников немецкому языку, ибо за годы войны многие из них уже не могли свободно владеть родным языком. Власти пытались обеспечить школы учебниками, но, как правило, дело обучения языку продвигалось очень медленно, не хватало учебников и учителей. В 1924 г. в Москве были организованы 11-месячные курсы по подготовке учителей сельских школ, составлялись программы обучения немецких крестьян. В сельских немецких школах ряды учителей пополнялись выпускниками Немецкого педагогического технику-

ма. После начала коллективизации школы в организованных на базе немецких колоний колхозах продолжали работать, в них создавались пионерские организации, политизированная учебная программа немецких сельских школ отражала процессы, происходившие в советской школе 1930-х годов¹. В 1938 г. все школы нацменьшинств в СССР были закрыты.

В XIX в. в колониях активно развивалась общественная инициатива, организовывались общественные библиотеки, духовые оркестры, хоровые коллективы. Хор певцов из колонии Фриденваль, например, участвовал в концертах И. Штрауса в Павловске. После 1917 г., особенно в период военного коммунизма, немецкие колонисты были поставлены в очень тяжелые условия. Власть брала с них в три раза больший объем продналога, чем с соседних селений. Но все же архивные документы того времени, а именно протоколы различного рода общих собраний и руководства колоний, в частности Новосаратовской и Стрельнинской, показывают, что культурная жизнь немецких крестьян в 1920-е годы сохранялась. Так, в 1921 г. в Новосаратовской колонии действовал музыкальный кружок, который состоял из 25 человек, причем игрой на фортепиано занимались с подростками и взрослыми, «у которых руки не отрубили от работы», существовал научный кружок, на заседаниях которого слушались лекции по географии, немецкому языку, физике, астрономии, истории, электротехнике, посещали колонисты политический и литературный кружки, и конечно, работал драматический кружок².

В протоколе общего собрания немецкого клуба Стрельнинской колонии от июня 1921 г. читаем, что библиотека открыта по понедельникам и пятницам, намечено пригласить А. Шмидта инструктором со всем составом его учеников для зачисления в оркестр клуба, танцевать надо по-старому, соблюдать приличия и полное подчинение дирижеру³, а в протоколе от 17 мая 1921 г. записаны мероприятия по подготовке празднования Духова дня 20 июня, а именно мытье полов, уборка помещения и др.⁴. Тяга к культуре у немцев сохранялась и в 1930-е годы. Они выезжали в Ленинград на различного рода культурные мероприятия в немецкий коммунистический Дом просвещения им. Левина.

До создания колхозов немецким крестьянам удалось сохранить традиции, связанные с христианскими праздниками, а также прежний уклад жизни.

С наступлением эры колхозов жизнь немецких крестьян была под контролем местного партийного руководства, в общественных помещениях размещались стенгазеты, красные уголки. Но судя по статьям в газете

«Rote Zeitung», выходящей в Ленинграде на немецком языке, и протоколам заседаний руководства немецких колхозов, внедрение в их жизнь новых, можно сказать чуждых им порядков, проходило с большим трудом. Но все же немецкие крестьяне сохранили ряд общественных праздников, например, Праздник урожая. Необходимо отметить, что трудолюбие и умение организовать работу способствовало тому, что немецкие колхозы в 1930-е годы добились значительных успехов.

В годы советской власти в немецких поселениях, которые до этого времени были моноэтничными, начинали проникать представители других национальностей, в основном русские, и характерная этническая однородность немецких поселений – колоний – постепенно исчезала. Но профессиональная принадлежность, стремление сохранить немецкий язык в общении, особенности хозяйствования и специфика уклада жизни немецких крестьян около Ленинграда сохранялась и в советское время, хотя, судя по статьям газеты «Rote Zeitung», немецкие колхозники, вступившие в ряды коммунистической партии, пытались вести борьбу с «прошлым буржуазным бытом».

За годы существования немецких поселений в Петербургской губернии в них сложилась, можно сказать, уникальная культура. Немецкие традиции, которые были привнесены из различных регионов Германии, безусловно, в определенной степени находились под влиянием русских, а иногда и финских соседей. Так, например, в колонии Овчино немцы проживали рядом с финнами, который поселились там в XVII в. Общение с культурой мегополиса, где немецкие крестьяне встречались с представителями различных национальностей, в первую очередь с городскими немцами, влияло на архаический образ жизни крестьян. К сожалению, эта культура безвозвратно утеряна.

¹ См.: Najdic' L. Deutsche Bauern bei St. Petersburg - Leningrad. Dialekte-Brauchtum-Folklore, ZDL Beihefte, Heft 94, Franz Steiner Verlag Stuttgart, 1997 - 241 S.

² См.: Bokarus S. Die traditionelle Kultur der Deutschen des Gouvernements Petersburg. Historische und ethnographische Aspekte // Der Beitrag der Deutschbalten und der städtischen Russlanddeutschen zur Modernisierung und Europäisierung des Russischen Reiches im 18. und in der ersten Hälfte des 19. Jahrhunderts. Köln: Verlag Wissenschaft und Politik, 1996. S.95- 102.

³ См.: Найдич Л. Быт и образ жизни немецких колонистов под Петербургом // Немцы в России: Сб. статей. СПб., 1998. С. 101 - 107.

- * См.: Тулакина О. 11-я верста Петергофской дороги // Наследники Белого города. Вып. 11: Фрагменты докладов учащихся Санкт-Петербурга на городских историко-краеведческих чтениях. СПб., 2002. С. 12–14.
- * Историческое обозрение 50-летней деятельности Министерства государственных имуществ. П. часть, 1837–1887 гг. СПб., 1887. С. 128.
- * См.: Полное собрание законов Российской Империи. 1830. Т. XXVII. № 20798, 1803; Шрадер Т. А. Поселения немецких крестьян-колонистов в петербургской губернии в XIX в. и в первые два десятилетия XX в. // Немцы в России. СПб., 1998. С. 86.
- * См.: Шрадер Т. А. Прозовая и культурная адаптация немецких колонистов в Петербургской губернии в пореформенное время // Петербург и губерния. Историко-этнографические исследования. СПб: Наука, 1989. С. 136.
- * См.: Списки населенных мест Санкт-Петербургской губернии. СПб., 1864. С. 12, 17, 134, 202.
- * См.: Топографическая карта окружности Санкт-Петербурга, исправленная 1817 года и гравированная в Военно-топографическом депе при Главном Штабе его Императорского Величества. СПб., 1817.
- * См.: Найдич Л. Быт и образ жизни... С. 103.
- * Тулакина О. 11я верста... С. 13.
- * См.: Найдич Л. Там же. С. 103.
- * См.: Найдич Л. Там же. С. 104.
- * См.: Тулакина О. Там же С. 13.
- * См.: Санкт-Петербургский Государственный исторический архив. Ф. 258. Оп. 3. Д. 222. Л. 188, 299.
- * См.: Там же. Ф. 190. Оп. 4. Д. 484. Л. 3, 4.
- * См.: Список населенных мест ... С. 12, 156.
- * См.: Шрадер Т. А. Школьное образование в немецких колониях Ленинградской губернии в 20-х годах XX в. // Немцы и развития образования в России. СПб., 1998. С. 267.
- * См.: Центральный Государственный архив Санкт-Петербурга. Ф. 2552. Оп. 1. № 929. Л. 64 – 66.
- * Там же. Л. 67 – 68.
- * Там же. Л. 60, 60 об.